

Глава 2

Если бы кто-нибудь мог посмотреть на выстроившиеся перед императором легионы с высоты птичьего полета, то он, безусловно, отметил бы абсолютную ровность рядов, выстроенных будто по линейке, четкость и монолитность солдатских порядков, отдельно стоящих центурионов и знаменосцев... Римская армия, хоть и потрепанная, все еще представляла собою внушительное зрелище.

Невдалеке, метрах в тридцати от первой солдатской шеренги, на могучем вороном жеребце восседал закованный в броню Коммод, горой возвышаясь над окружением. Крашенный в черный цвет пластинчатый доспех, столь же темные волосы, обхваченные широким серебряным обручем, и полная неподвижность властителя Рима делали императора похожим на спустившегося с Олимпа Марса. Хотя, будь Коммод несколько старше и отрасли он бороду, его вполне можно было бы представить и в виде самого Юпитера.

Максим, находясь чуть позади замершего императора, в очередной раз отметил, что сейчас его друг больше похож на персидского катафракта, чем на римского воина. Впрочем, учитывая известную любовь Луция Коммода к лошадям, это было неудивительно.

Вспомнив, с каким выражением лица смотрел на сына великий Марк Аврелий, какой нежностью и добротой лучились его глаза при виде смеющегося сорванца, играющего с лошадьми - Максим даже улыбнулся. Да, веселые были деньки...

Тогда неожиданная страсть к лошадям выздоровевшего Коммода казалась всем милым капризом долго болевшего ребенка. Но уже скоро скептики оказались посрамлены - мальчишка не разлюбил свое занятие и спустя два, и три года. И, при этом, стал гораздо серьезнее, чем до болезни. Стал строже относиться к себе и остальным.

А ведь он только начинал взрослеть. Милый и добрый юноша, он вдруг научился быть жестким и иногда даже жестоким, учился принимать решения и давать команды. Конечно, паренек менялся не только внутренне, но и внешне - тянулся ввысь и раздавался в плечах, на глазах лишаясь подростковой угловатости.

Сложно сказать, что изменялось сильнее - внешность или разум мальчишки. Максим склонялся к последнему варианту. Естественно, это было вполне объяснимо, ведь Коммода учили лучшие из лучших - уж об этом отец-император позаботился. Учили всему - философии и математике, военному делу и искусству управления людьми, механике и даже езде верхом... Поэтому-то никто не удивлялся успехам парня. И они - эти успехи - вызывали у Марка Аврелия только лишь гордость за своего отпрыска, обещающего стать величайшим властителем в истории Рима. И эта гордость разжигала в душе "философа на троне" ту самую теплоту, которая запоминалась абсолютно всем общавшимся с великим императором.

Так или иначе, детское увлечение лошадьми оказалось довольно полезным делом. Сейчас за спиной Коммода замерла в неподвижности сотня преторианцев, облаченных в такие же, как у него, черные доспехи.

Сотня ставших катафрактами прирожденных всадников из разных провинций. Излюбленное детище молодого императора, его главная надежда и основа будущей римской армии, армии нового порядка.

Максим, на правах друга, был одним из немногих посвященных в планы Коммода. Тот с детства был восхищен мощью персидской кавалерии. И хотел создать нечто подобное.

Конечно, он понимал, что это не простая задача. Понимал, что исходного материала для создания качественного кавалериста в Парфии гораздо больше. Больше прирожденных всадников, больше годящихся для боя коней... Но Римская империя была не таким уж и маленьким государством - и в ней тоже имелись области, предрасположенные к коневодству. Иллирия, Нумидия - и теперь еще и Сарматия. Идущая уже долгие годы война с маркоманнами и их союзниками помимо всего прочего должна была дать Риму еще одну провинцию с населением, годящимся для создания по-настоящему сильной кавалерии.

Коммод планировал в дополнение к легионам создать, может и не самое многочисленное, но отменно обученное и прекрасно вооруженное кавалерийское войско. Свою личную армию, резерв - эдаких триариев на новый лад, применяемых тогда и там, где важно не только (и не столько) количество войск, но и их качество.

Первые шаги на этом пути император уже сделал и весьма успешно - доказательством чего была та сотня, что сейчас расположилась за его спиной.

- Мой отец мертв, - громкий голос Коммод прервал размышления Максима. - Он умер здесь, на границе, сражаясь с варварами во имя империи. Он бился рядом с нами. Бился, чтобы наши земли не знали грабежа. Бился, чтобы обезопасить наши дома, наших сыновей и жен. Бился, чтобы Рим процветал.

Император сделал паузу. И в эту же секунду, словно повинуясь неслышному сигналу, легионы ударили по щитам.

- Я - сын своего отца. И я не предаю его память. Я не предаю память павших в боях солдат, храбро сражавшихся под знаменами великого Аврелия. Я буду сражаться, как сражался мой отец, как сражались наши братья - и добьюсь победы. Или паду, если это будет нужно богам, - Коммод вытащил из ножен клинок. Сверкающая на Солнце полоса стали в его руке казалась молнией Юпитера. И снова легионы ударили по щитам. - Мы все устали. Устали биться, день за днем и месяц за месяцем. Но мы - надежда римского народа.

С каждым предложением Коммод повышал голос. Он почти кричал.

- Мы те, кто стеной стоит на пути варварства и беззакония. Мы те, кто несет свет цивилизации. И мы - не сдадимся. Как не сдался Сципион. Как не сдался Цезарь. Как не сдался Траян. Мы - победим. Потому что мы - римляне!

- Слава императору! - крикнул кто-то из центурионов.

- СЛАВА! - единым выдохом отозвались легионы.

Таррутий Патерн, издав издали наблюдая за этой картиной, только лишь пожал плечами. Он и без этого представления прекрасно осознавал, что сейчас легионы любят Коммод. Но будут ли они также любить своего императора через год или два? Тот еще вопрос. Здесь, на границе империи, во время тяжелой войны, ободряющих слов было явно недостаточно. На сколько их еще хватит? На месяц? На два? На полгода? Любой более-менее разбирающийся в военном деле человек с легкостью докажет, что победа вовсе не так уж и близка. И, рано или поздно, солдатам это надоест.

Но сейчас Коммод слишком популярен в войсках - даже полный идиот это поймет, стоит ему взглянуть на лица легионеров.

Префект Рима, Таррутий Патерн, поправив плащ, повернул коня и направил его в сторону

виднеющейся недалеко дороги. Пришло время отправляться в Город - здесь же его миссия была закончена. Сенаторов "порадуют" известия о персональных сборах для казны. Предстояло обдумать линию своего поведения - как и с кем разговаривать. В конце концов, некоторые шансы у Сената еще оставались.

Уже подъезжая к дороге, Патерн услышал позади еще один торжествующий выкрик легионов. Ораторствовать Коммод тоже уже научился.

Смерть великого Аврелия и переход императорского трона его молодому сыну в Риме были восприняты достаточно спокойно. Простой народ ждал от своего нового правителя улучшения экономической ситуации, изрядно подпорченной все никак не заканчивающейся войной, ну а сенаторы и магнаты находились в твердом убеждении, что Коммод продолжит традицию своего отца и трогать их не будет.

И потому вести, принесенные префектом, стали здесь настоящим шоком. Сенат никак не мог поверить, что ему смеют настолько нагло и цинично угрожать, не боятся грабить практически публично и столь бесстыже унижать. И, главное, кто? Мальчишка, получивший трон только лишь милостью компромисса? Причем получивший его мгновение назад?

Люди, еще вчера считавшие, что война фактически позади, были возмущены и даже разгневаны. Учитывая популярность молодого императора в легионах и его отсутствие в Риме, шансы избежать поборов оказывались минимальны. И чувство бессилия приводило их в бешенство.

Патерн же, сообщив сенаторам "просьбу" об "инвестициях" и о "добровольных" займах, едва ли не сразу же после этого сделал в казну большое пожертвование. Пару раз выступил с громкими патриотичными речами, публично пообещал дать казне еще денег (пусть на этот раз займы) и восхвалял Коммода везде, где его только могла слышать толпа.

При этом в личных беседах с разгневанными сенаторами и просто богатыми людьми, он совершенно не стеснялся высказывать некие "сомнения" в правильности продолжения войны. И "выражал сожаление" по поводу новой денежной нагрузки на состоятельных граждан.

Ясное дело, поднаторевшие в интригах и ораторском искусстве сенаторы умели читать между строк и понимать скрытые смыслы. То, что префект не слишком доволен решением императора становилось для них очевидным и вызывало соответствующую реакцию...

Заговора еще не было - что и не удивительно, времени прошло-то всего чуть-чуть - но недовольный ропот становился все громче. И злее.

Патерн, однако, идиотизмом не страдал, прекрасно осознавая, что Коммод (или дергающий за ниточки Тиберий) только и ждет момента. Стоит сформироваться хоть какой-то более-менее серьезной идее по его устранению - соглядатаи донесут. После чего бунтовщиков перережут, их имущество изымут в казну - и остальная часть Сената даже и пикнуть не рискнет.

В последнем Патерн был более чем уверен - в конце концов, он за много лет узнал своих коллег более чем неплохо.

Даже и самые храбрые из сенаторов не рискнут выступить открыто, не имея за спиной решающего преимущества. Учитывая легионы императора, ни о каком преимуществе говорить

не приходится. Да и плебеи не особенно поймут - почему их налогами душить ради Родины можно, а богатеев - нет? Так что и с этой стороны Коммод в выигрыше. Тем более что озаботился устроить Игры. И пусть с хлебом в Риме определенные проблемы, зато вопрос относительно зрелищ Коммод уже решил. На какое-то время...

Естественно, префект был не один такой умный - в некоторых беседах еще несколько человек высказали подобные мысли. Не напрямую, понятное дело.

Через несколько недель осторожного прощупывания настроений некоторых сенаторов и просто богатых людей, у Патерна сформировался план действий.

- Ты уверен, Таррутений, что уговорить мальчишку оставить войну - невозможно? - нынешний собеседник Патерна, его ближайший коллега, сопrefект претория Тигидий Перенн задал этот вопрос не просто так. Ему не хотелось рисковать существующим положением без серьезных оснований. Одно дело, если Коммод в принципе не согласен на мирное решение вопроса с маркоманнами. И совсем другое - если шанс есть.

- Более чем. Более того, как мне тут сообщили, он еще и укрепился в своем мнении относительно грабежа, - Патерн отставил в сторону тяжелый кубок с вином и, тяжело вздохнув, протянул собеседнику письмо.

Тигидий с интересом пробежался по нему глазами.

- Наше бедное государство, -- громко прочитал он вслух, -- должно сносить жадность этих богачей! Только многочисленные смертные приговоры могли бы вернуть старый порядок, но наш император слишком добр. Возможно ли называть проконсулами и наместниками тех, которые думают, что провинции даны им сенатом и императором для того, чтобы они могли жить в роскоши и обогащаться? И притом чем, как не кровью государства и имуществом провинциалов!

Закончив чтение, Тигидий поднял взгляд и помахал листом.

- Это еще что за бред?

- Письмо. Его писал какой-то провинциал нашему дражайшему Помпеяну. Еще когда Марк был жив. Теперь тот не постеснялся поделиться им с мальчишкой. У тебя в руках копия, - Патерн пожал плечами и одним глотком допил вино.

- Он будет грабить наместников? Ему что, жить надоело? Провинции и так на грани бунта. Одна искра - и вспыхнувший пожар сожрет империю! - сопrefект был в шоке.

- Не думаю, что до этого дойдет. Просто теперь Коммод уверен, что плач насчет нищеты и бедности - просто хорошие отговорки. Много брать он не будет... Но на пару когорт хватит, я уверен, - Патерн снова пожал плечами. - Так или иначе, эти идиоты все равно устроят заговор. Что-нибудь пафосное и глупое. Коммод их перережет, заберет денег, и, как я очень надеюсь, закончит войну. В таком случае даже и грабить особо никого не придется. Кроме невезучих придурков.

- Тогда в чем идея? - слова Патерна показались Тигидию весьма логичными. С этой стороны стратегия Коммода выглядела действительно неплохо.

- В том, что после того, как наш дражайший император вырежет идиотов, любви в Сенате к нему будет немного. Плюс - он расслабится. Тогда-то мы и ударим.

- А вот с этого места поподробнее...

- Мы сформировали еще два подразделения, Луций. Скоро они придут сюда, - Марк, только что получивший вест из Иллирии, протянул императору свиток.

Коммод, потратив на его чтение несколько секунд, коротко кивнул.

- Мы почти победили, Марк. Они уже готовы сдаться.

Слова императора, произнесенные скучающим голосом, прозвучали для его друга несколько самонадеянно. Впрочем, Максим не стал их как-то комментировать, только лишь заломив бровь.

- На днях наши дозоры обнаружили крупный лагерь германцев. Больше сотни солдат. Нам повезло - никто из варваров не ушел. Половину - перебили, половину - взяли в плен. И одним из плененных оказался вождь. Мелкая сошка, не более того. Но кое-что он знал.

Коммод сделал паузу. Не ради театральных эффектов, к которым, надо сказать, был неравнодушен, а просто, чтобы смочить горло вином.

Марк терпеливо ждал продолжения, не задавая вопросов. Он вообще был молчаливым, предпочитая говорить по делу и не болтать попусту языком. Одна из черт, за которые его любил император.

- Так вот, они хотят переговоров. Ибо уже на грани. Но перед этим собираются нанести нам несколько чувствительных ударов. Чтобы укрепить свои позиции и выглядеть сильнее, чем есть на самом деле. А раз они хотят просить о перемирии, значит, сил на борьбу у них уже почти не осталось, верно? - Коммод повернулся к другу. Тот кивнул. - И если вместо того, чтобы пропустить чувствительный удар, мы нанесем свой, пользуясь подкреплениями из Иллирии и Британии... Они признают поражение. И перейдут под нашу власть.

- Но почему? Ведь еще недавно они собирались сражаться до конца? Что же так сильно на них повлияло? Смерть твоего отца наоборот должна была придать им сил? - Марк действительно не понимал, почему германцы собирались сдаваться.

- Они, судя во всему, на нее и надеялись, - Коммод мрачно усмехнулся и с силой воткнул любимый кинжал в столешницу, проткнув ее насквозь. - Варвары считали, что смена власти в Империи дает им неплохие шансы на перемирие вместо капитуляции. Отец был стар - и потому они сражались. Надеясь не на победу - а на отсутствие поражения. Как видишь, хороший план.

- Сенаторы... - Марк все понял. Приезд Патерна - а за ним и еще нескольких представителей богатейших семей Рима - отлично демонстрировал настроения элиты. Они не хотели продолжения войны. Они не хотели продолжения этих иссушающих Империю боев и сражений. И не будь Коммод столь настойчив... Действительно, у германцев был шанс.

Но теперь, когда им стало понятно, что новый римский властитель не остановится ни перед чем, чтобы покорить их - смысла продолжать борьбу не было. Им не победить - и варвары, какими бы глупыми их не представляли в Риме, это прекрасно понимали.

Сейчас, по большому счету, у них оставался только один шанс - это сами римляне.

Предательство Сената, восстание в крупной провинции... Все, что угодно - но от самих германцев и сарматов более ничего не зависело. Только лишь время их агонии.

- Именно, Марк, именно. Люди Тиберия уже принесли новости из Италии. Богачи не хотят делиться состояниями ради нашей победы. Недовольство растет. Призывов к измене еще нет, по крайней мере открыто - но за этим дело не станет.

- Пусть только рискнут, - Марк кровожадно оскалился. - Оторвем им их глупые предательские бошки.

- Оторвем, - согласно кивнул Коммод. - И конфискуем состояния. Но если заговор будет масштабным, для усмирения могут потребоваться войска. И их будет неоткуда брать, кроме как отсюда. Это может дать германцам надежду - и добавить ожесточенности.

- Чего нам совершенно ненужно, - закончил за Коммода Марк. - Мда, задачка...

На несколько минут в шатре установилась тишина. Наконец, император, словно что-то надумал, одним движением выдернул кинжал из столешницы и, вышел из шатра. Марк, очнувшись через секунду, выскочил следом.

Коммод смотрел на небо. Солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая немногочисленные облака в розовый цвет. Легкий ветерок, играющийся с волосами императора и придавая тому какой-то несерьезный вид, принес в расположение римских войск вечернюю прохладу.

- Нам надо нанести упреждающий удар, Марк. Нанести его быстро, жестоко и неотвратимо.

- Германцы - сложный противник, Луций.

- А я не имею в виду варваров, мой друг.

- То есть?

- Сенат. Их надо спровоцировать. Самых глупых и наглых. Спровоцировать сейчас, когда они не готовы - и тут же раздавить. Тогда остальные затаятся. Не будут действовать нахрапом, будут выжидать.

- И дадут нам время разобраться с германцами... Хорошая идея - но как мы это сделаем?

- О первой фазе позаботился Таррутений.

- Но он же против войны? - Марк меньше всего ожидал услышать имя префекта претория.

- Нет, дружище, ты не прав. Он не против войны как таковой - он просто считает, что мы не способны ее закончить триумфом. Патерн хороший полководец и просто не знает всего, что знаем мы. И он не в восторге от идеи с расстрясанием мощны Сената.

- Предаст?

- Сейчас - сильно сомневаюсь. Он не дурак, и прекрасно понимает, что сила за мной. Не зря чуть ли не первым пожертвовал денег в казну. Понимает, куда ветер дует, - Коммод запрокинул голову и рассмеялся.

- Может, все-таки, обойдется? - Марк неожиданно даже для себя выдал идею. - Видя, что префект за нас, что легионы за нас, что есть те, кто не стесняется жертвовать в казну...Ведь

может же быть так, что даже самые глупые и наглые попросту не рискнут?

- Одним богам сие известно, друг. Но я уверен - рискнут. Открыто-то нет, но отравить, или пырнуть кинжалом - попытаются сделать точно. В этом я уверен также как в том, что Солнце всходит на востоке, - Коммод горько ухмыльнулся. - Город уже не тот, что был во времена Сципиона. Отдавать всего себя во славу Отечества уже не столь популярно. По крайней мере, в Риме - точно.

- Рим - это еще не вся империя, Луций, - Марк, родившийся в Испании, знал, о чем говорил.

- Не вся, - Коммод согласно кивнул. - Но важная ее часть.

- Среди римлян еще много достойных людей, Луций.

- Поэтому-то я все еще и надеюсь на победу, дружище. Эта прекрасная земля даст империи второе дыхание. Взяв ее, мы отдохнем от войны. Укрепим границы, оживим торговлю, науку и ремесла. Мы излечим Рим и римлян от последствий Чумы, Марк.

- Тебя понесло в философию, Луций. Нам еще надо победить.

- Да. И нам нужна сакральная жертва. Я должен получить деньги Сената и добиться капитуляции германцев. Патерн разозлил римских магнатов. Надо их лишь только чуть подтолкнуть, а затем конфисковать у осмелившихся все подчистую. Этого нам хватит на год. Вполне достаточно времени, чтобы дожать колеблющихся варваров. И я это сделаю.

Последний луч уходящего светила подсветил фигуру стоящего на холме императора. Пурпурный плащ и отливающие багрянцем в закатном Солнце доспехи придавали ему зловещий вид - издалека могло показаться, что он облит кровью.

Забавно: сына "философа на троне" Вселенная грозила превратить в "палача на троне", еще до того, как он на этом троне побывал.

Знак судьбы.

Во внутреннем дворе большого и красивого дома в Риме тихо журчал небольшой фонтан. Звуки льющейся воды и колышущихся от слабенького ветра деревьев, вместе с безоблачным синим небом и запахами вкуснейшей пищи должны были создавать обстановку гармонии и спокойствия. Но не создавали.

- То есть как? Что значит "обязательное участие"? Что это вообще такое - "инвестирование с возвратом"? - не так давно вошедший в Сенат Гай Юний, уже неоднократно об этом пожалевший, нервно расхаживал перед двумя своими приятелями и принесшим известие рабом. - Как это понимать?! Чего этот мальчишка о себе возомнил? Император без году неделя, а уже превращается в тирана. Да как он смеет требовать - нет, вы послушайте!

Резко остановившись, грузный сенатор, пунцовый от возмущения и немалого количества вина, возмущенно уставился на свиток, который держал в руках. Было заметно, что сейчас в новоиспеченном представителе "элиты" Римской империи сражаются противоречивые чувства. С одной стороны, ему хотелось швырнуть это грязное...бесстыдное...наглое послание в огонь, разорвать его на кусочки, залить водой или еще как-нибудь уничтожить. С другой стороны, то,

что он держал в руках, требовало внимательного и вдумчивого анализа.

На днях вернувшийся в Рим из деловой поездки в Африку, где у него имелись поместья, Юний был потрясен изменившейся ситуацией. Не поверив шепоткам про будущие "грабежи", как беззастенчиво именовали требования Коммода богачи, он отправил посланца к своему старому другу, имеющему большие связи по всей империи.

И вот теперь сенатор получил ответ. Новоявленный император требовал денег. Точнее, "вложений в дело защиты Отечества". Которые, "без всякого сомнения", "будут вознаграждены".

Это было невозможно - но было. Завуалированная угроза про "неучастие в благородном деле" дополнялась размытым обещанием все вернуть. Даже с процентами. Когда-нибудь. В будущем. Далеком. Может быть.

С одной стороны, император вроде как просил в долг - это Юний понимал. С другой стороны, больше эта просьба походила на приказ. И насчет возврата гарантий не было никаких.

"Инвестирование", вон даже какое слово подобрал. Как будто резня варваров - это создание винокурни или кирпичного завода. И ведь сам Коммод это прекрасно понимает: Юний был осведомлен о его успехах в качестве управителя конезаводов. Или можно вспомнить и другие дела, созданные мальчишкой с помощью отца и денег желающих угодить великому Аврелию подхалимов. Последних вокруг сына императора всегда хватало - многим разумным людям казалась неплохой мысль о "подарке" возможному наследнику.

Более того, на одном из таких дел как-то раз неплохо заработал и сам сенатор (тогда еще будущий). Вложившись, по совету все того же приятеля, в одно из довольно спорно выглядящих предприятий, задуманных мальчишкой, Юний всего через пару лет продал свою долю, увеличившуюся в цене раза эдак в три. Использование "горючего камня" для изготовления весьма и весьма неплохой стали оказалось довольно-таки прибыльным делом... Пусть даже сначала представлялось глупостью, причем довольно дорогой. Все эти механизмы, меха, добыча сырья. Но незадолго до этого приятель получил отличную прибыль с другой затеи молодого Коммода - хитро выдуманных ткацких мастерских, соединенных с мельницами и использующих множество странных механизмов для производства ткани. В тот раз Юний вложиться не рискнул - и прогадал. Второй такой ошибки сенатор не сделал.

Но это было "давно и неправда". Сейчас же уважаемого патриция глубоко возмутило требование денег. Причем, судя по всему, совсем даже и не символических. Доля в предприятии - это одно. Пусть и рискованном. Но вкладывать серьезные средства в войну с варварами, причем войну с непонятным исходом и перспективами... Да это даже идиотизмом назвать трудно!

Ну, получит империя новые земли - кому с этого толк? Легионерам и нищим оборванцам, которые на халяву наберут себе "поместий"? Или, быть может, самому Коммоду, который запишет эту победу на свой счет - тем самым застолбив местечко в истории. Да еще и арку отгрохает, триумф проведет... Но какой с этого прок ему, простому и скромному торговцу Гаю Юнию Цестию? Что он будет с этого иметь? Патриотический экстаз? Чувство имперского величия? Или, быть может, мифические проценты с "инвестиций"?

Ни тебе производства, ни тебе гарантий - ничего...

- Стоп, - громко произнес вслух сенатор, нервно притоптывая обутой в дорожную сандалию ногой по белоснежным мраморным плитам.

В голову ему пришла нехорошая мысль. В те разы он тоже был совершенно не уверен в исходе дела. Причем во второй раз - даже больше, чем в первый. Шутка ли, по-новому плавить металл! Может, и сейчас точно такой же случай? Он просто не видит чего-то - как не видел с тканью, как не видел с железом?

- Нет, ну теперь-то точно ошибиться нельзя? - Юний продолжал размышлять вслух, отвечая собственным мыслям. Приятели, знакомые с этой его привычкой, Цестия не прерывали. Раб, сжавшийся в углу двора, у одной из обрамлявших его колонн, естественно, молчал тоже, только лишь молясь про себя всем известным ему богам, дабы злость господина не обратилась на него.

- Это же война, не водяные мельницы или печи с горючим камнем? Какой с нее прок? Сплошные расходы и никаких денег...

С другой стороны, может, потребовать в качестве платы долю от захваченного, в виде рабов? Или, что точно лучше, земли и рабов? А что - построить там поместье, выращивать лен. Поставить такие же мельницы, как у мальчишки и его прихлебателей и стать еще одним крупным производителем ткани...Хм.

Отточенный ум купца, закаленный сотнями и тысячами торговых битв, пытался вычленить возможность для получения прибыли даже в таком, не слишком очевидном предприятии. Конечно, строительство еще нескольких кораблей для собственных интересов придется отодвинуть на пару лет вперед - но надо иметь дело с той ситуацией, что есть, а не стой, что хочется.

- Дорогие друзья, мне нужно поразмыслить над сложившейся ситуацией, прежде чем делать какие-то выводы. Не следует делать оные поспешно, - толстяк усмехнулся. - А пока предлагаю отдохнуть. У меня есть несравненные прелестницы из Африки. Уверяю, друзья, вам понравится...

Неопытному и неискушенному человеку спальня Юния могла бы показаться простоватой. Искушенный, напротив, сразу бы понял, насколько же роскошная здесь обстановка. Великолепное ложе из драгоценных пород дерева, слоновая кость, малахит...Роскошь здесь присутствовала, это точно. Пусть и выполненная в минималистичном стиле.

Сенатор, аккуратно придерживая скачущую на нем рабыню, задумчиво смотрел в потолок. Его мысли занимала возникшая из ниоткуда проблема, и даже вся красота привезенной из Александрии девчонки, вместе со всем ее умением и старанием, отвлекать Юния не могли.

"Вот ведь негодяй, - пожаловался сам себе Юний. - Даже рабыню отодрать с удовольствием не могу из-за него. Ну как так можно..."

- Господин, я что-то делаю не так? - девушка прекратила изображать наездницу и смущенно взглянула на хозяина. Сегодня он был не слишком активен и больше смотрел в потолок, чем на нее. А уж в чем-чем, а в любовании красивым телом совсем не старый еще господин себе не отказывал никогда.

Взгляд Юния обрел осмысленное выражение.

"И правда, чего это я? Надо отвлечься. В конце концов, решать что-то именно сейчас мне не

обязательно. И так я весь замотанный - даже развлечься некогда. Все дела, дела..."

Вместо ответа Юний одним движением стряхнул девушку с себя, перевернул ее на живот и навалился сверху. Концентрироваться на удовольствии торговец умел ничуть не хуже, чем на сделках...

Полчаса спустя, тяжело дышащий сенатор спустился обратно во двор. Приятели все еще развлекались - не удивительно, оба были гораздо моложе. Веселый мужской смех, дополняющийся стонами отданных для развлечения рабынь, нарушал идиллию внутреннего дворика не хуже недавнего гнева самого Юния.

Глотнув вина и умывшись прохладной водой из фонтана, сенатор вновь задумался над сложившейся ситуацией.

Богатые люди Рима оказывались под серьезным давлением. Молодой император не щадил их состояния, требуя весьма и весьма значительные суммы. Оказываться в рядах "добровольных" источников имперской казны Юнию совершенно не хотелось, ибо его купеческая жилка не чувствовала в этой бойне ну хоть какой-нибудь приличной прибыли. А вот проблем - навалом.

Экстраординарные поборы с народа уже привели к значительному обеднению последнего. А это снижало прибыли купца. Если же на эту дурацкую войну без толку угрожают еще и состояния богатых людей...Мда, империю ждут нелегкие времена. Неужели это непонятно этим воякам? Хотя...солдафоны, чего с них взять. Небось, поймали мальчишку приманкой воинской славы - ну какой юноша не представлял себя древним героем, Геркулесом там, или Ахиллесом, разящим врагов в бою? Вряд ли Коммод другой - вот вояки его и подловили на крючок. И теперь этот ребенок мечтает о триумфе, вместо того, чтобы думать об экономике.

И ведь изначально-то парнишка не без потенциала. Верно угадал, что сейчас, когда после Чумы ощущается такая мощная нехватка рабочих рук, можно заменять рабов механизмами. В конце концов, всю эту хитрую механику в своей основе придумали еще греки - но применить ее для производства...Это было неортодоксальной идеей. И очень умной.

И вот, вместо того, чтобы вкладывать деньги в такие вот, без всякого сомнения, перспективные вещи, мальчишка играет в войну. И это очень нехорошо.

Очередной взрыв громкого смеха отвлек Юния от его мыслей. Раздраженно поморщившись, и пригубив свеженалитого в кубок из красного "имперского стекла" вина, сенатор зашел в дом.

"И вот тоже - "имперское стекло". Прекрасная ведь штука, и тоже мальчишка поучаствовал. Хотя по слухам, сам мальчишка называл это стекло "муранским". С чего? Ладно, "имперское" - первые партии кубков мастера-стеклодувы делали только красного и рубинового цветов..."

- И зачем ему вся эта война? Зачем ему эти варвары? Ведь такой потенциал уходит в мусор... - Юний покачал головой и грустно вздохнул. - Может, можно как-нибудь отодвинуть вояк от мальчишки? Уговорить его прекратить эту бессмысленную бойню и сконцентрироваться на том, что получается лучше всего? И на том, что дает гораздо большие перспективы, чем все эти варвары вместе взятые?

- Мой дорогой Гай, это пытался сделать сам Таррутий Патерн. И у него не вышло, - женский голос, неожиданно для сенатора прозвучавший в пустой комнате, заставил его вздрогнуть. Увлеченный своими размышлениями, он совершенно не заметил вошедшей в дом гостьи.

- Анния, моя дорогая, какой сюрприз! - Юний широко улыбнулся, всем своим видом

демонстрируя радушие, одновременно лихорадочно вспоминая, не пробормотал ли он себе под нос чего-нибудь опасного. Ибо светить недовольством молодым императором перед сестрой этого самого императора было не самым умным поступком.

С Аннией Луциллой Юний познакомился не так уж и давно, но уже успел стать ей близким другом - обзаводиться крепкими связями с самыми разными влиятельными (и не очень) людьми, сенатор умел как ничто другое.

- Мой братец должен был быть умнее и не играть в эти дурацкие войны, - Луцилла, покачала головой. - Есть множество гораздо более умных занятий...Но мой муж слишком уж на него влияет.

Сестра нынешнего императора, собственно, и оказалась целью знакомства Юния из-за супруга - Тиберия Клавдия Помпеяна. Сенатор рассчитывал получить парочку армейских заказов.

Теперь, выходит, Помпеян является частью серьезной проблемы. Интересный расклад...

- Анния, дорогая, может вина? Или, желаешь попробовать какого-нибудь кушания? Сегодня рабы приготовили просто фантастическое мясо, - Юнию срочно требовалось выиграть время, хотя бы чуть-чуть. - Опять же, я не люблю есть в одиночестве, а мои друзья несколько...эээ...заняты.

- Ах, Гай, ты такой милый. Конечно, я не против составить тебе компанию, - Луцилла улыбнулась и протянула руку. - В нашем доме так скучно. Мой дражайший муж все время пропадает на войне. Представляешь, с легионерами он проводит гораздо больше времени, чем со своей женой!

- Он защищает наше государство и добрых граждан Рима от варваров, - Юний подбирал слова очень осторожно. Вдруг это все провокация?

- Брось, Гай, - Луцилла покачала головой. - Причина вовсе даже и не в этом. Просто ему нравится чувствовать себя древним героем. Эдаким Сципионом. А так как Карфаген уже давно принадлежит Риму - приходится воевать с варварами.

Прикрыв рот ладошкой, Луцилла хихикнула.

- Тебе виднее, Анния.

- Конечно виднее, - оторвав от грозди винограда несколько ягод, девушка одну за другой отправила и в рот. Причем, словно издеваясь над Юнием, делала это нарочито медленно, словно пыталась его соблазнить - что подчеркивалось как взглядом, так и пару раз мелькнувшей грудью. Не то, чтобы у нее получалось - в конце концов, сенатор не был мальчишкой, да и у него хватало красивых и страстных рабынь. Причем одна такая только недавно радовала его плоть.

Но эти игры в соблазнение включили в голове патриция совершенно другие мысли. Выгодно ли ему будет спать с сестрой императора? Будет ли эта связь полезна? Или наоборот, принесет одни убытки и разочарования? Быть может, эта связь опасна? Или, наоборот, обеспечит Гаю Юнию Цестию безопасность?

Напряженно прикидывая все варианты, рассчитывая вероятности и оценивая возможные прибыли и убытки, Юний не забывал "играть лицом", изображая некую заинтересованность и интерес. Но не слишком сильный - ведь он же еще не принял решение.

- Ммм, Гай, у тебя прекрасный виноград...И когда уже принесут обещанное мясо?

- Я немедленно отдам соответствующие приказания, - Юний церемонно склонил голову. - Пока же прошу тебя обратить внимание на эти прекрасные фрукты.

После чего сенатор буквально вылетел из комнаты.

- Ты! - шедший мимо раб был остановлен тычком по ребрам. - Скажешь на кухне, чтобы тащили сюда мясо, вино и фрукты. И побыстрее!

Раб, низенький и щуплый нумидиец, активно закивал и буквально испарился.

Юний прислонился к колонне и обессилено прикрыл глаза.

- Ладно, - его бормотание не казалось особенно вдохновляющим. - В конце концов, отверженная баба всегда злее отодранной. Придется, братец, поднапрячься.

С сомнением посмотрев себе на живот, а затем и чуть ниже, сенатор покачал головой и тяжело вздохнул. С сомнением прислушался к доносящимся со второго этажа звукам. Приятели все еще развлекались.

- Молодежь, - с понимающей и немного завидующей усмешкой прокомментировал Юний очередной взрыв хохота. - Ничего, зато мы свое опытом возьмем.

И с решительным выражением лица направился к своей гостье.

- Анния, дорогая, я все же невероятно рад, что ты меня навестила. Я так скучал по нашему общению, пока разбирался с делами в этой далекой Африке...

"Однако, ничего себе, - Юнию, выжатому до капли, даже такая простая мысль показалась трудноватой. - Рабыни и рядом не стояли...не лежали"?

Сенатор был истерзан. Луцилла с какой-то дикой ненасытностью вытягивала из него все силы до тех пор, пока их не осталось совсем. Куда уж там рабыням...

- Боги, даже думать тяжело, - бормотание прозвучало настолько жалко, что продолжать он не стал. Только лишь окинул взглядом порванную льняную тунику: жертву страсти сестры императора.

Придерживаясь за стенку и прислушиваясь к колотящемуся сердцу, Юний на подрагивающих ногах направился к столику с фруктами и свежим соком.

За окном уже темнело - по крайней мере, парочку факелов во внутреннем дворике слуги уже зажгли. И, пока Солнце опускалось за горизонт, окрашивая мраморные колонны розовым цветом, сенатору предстояло оценить итоги состоявшегося разговора, скрепленного таким вот, неоднозначным способом.

"Не кровью, но соитием, - Юний усмехнулся. - А что, отличная фраза. Прямо-таки "через тернии - к звездам". Надо где-нибудь записать".

Впрочем, делать этого сенатор не стал. Задача, поставленная ему Луциллой и

обстоятельствами, выглядела достаточно сложной, чтобы отвлекаться.

"Ну и семейка. Сначала братец заявляет, что ему нужны мои деньги для своих дурацких игр в войну, затем сестренка заявляет, что считает необходимым отправить мальчишку на тот свет, - Юний покачал головой. - Хочет быть женой императора. Понравилось, видимо".

Нет, возможный выигрыш в случае успеха действительно был велик. Одни только налоговые послабления позволяют ему спокойно настроить ткацких мастерских, как у Коммода, перекупить стекольное производство и вообще увеличить состояние раз эдак в десять или пятнадцать буквально за несколько лет. Если дело выгорит - Юний будет богаче, чем был когда-то Красс.

Проблема в том, что может и не выгореть. Мальчишка все время находится в войсках и в Риме в ближайшее время появляться даже и не планирует. А значит, заговор серьезно осложняется - как прикажете убивать человека, окруженного парой тысяч верных солдат, каждый из которых провел в боях столько времени, что может дать сотню очков форы любому убийце?

Конечно, самым лучшим решением было бы другое. Согласиться с Луциллой, дать немного денег...а Коммода убили бы германцы в одном из бесчисленных столкновений. Дешево и эффективно.

Вот только нет никаких гарантий, что эти дурацкие варвары доберутся до императора. До Аврелия, например, не добрались. Надеяться на такую вероятность - по меньшей мере, глупо.

Юний снова тяжело вздохнул и почесал грудь. Сильно рисковать не хотелось. Но если не рисковать - придется принять участие в "инвестировании". То есть, по факту, отдать здоровенный кусок собственного состояния, в никуда и с непонятными перспективами.

Это огорчало. Сильно. Или риск, или практически однозначная потеря денег. Такой расклад сенатору был не по душе.

Отойдя от окна и бросив взгляд на спящую Луциллу, Юний направился в своей кабинет. Любимое место для работы.

Здесь ему всегда было уютно и комфортно. Удобный стол, отличный шкаф со свитками, несколько плетеных сидений...И его главное украшение - огромная карта на всю стену, показывающая известную римлянам Ойкумену.

- Леонид, - в комнате неслышно возник закутанный в плащ человек. Этот невысокий совершенно лысый мужчина когда-то был рабом. Пока не стал служить молодому торговцу Гаю Юнию Цестию, выполняя разные мелкие поручения. Не совершая при этом ни единой ошибки. Со временем поручения становились все более важными все более деликатными, а потом как-то так вышло, что грек, родившийся, правда, в Сирии, стал незаменим.

Юний, однако, умел ценить верность и профессионализм. Раб получил вольную...и остался рядом с бывшим хозяином.

- И что ты об этом думаешь?

Юнию не потребовалось уточнять. Леонид всегда знал о происходящем в доме все. Как - это оставалось для сенатора загадкой.

- Вы зря ругались перед друзьями, господин. В случае, если вы...рискнете, - произнес после секундной паузы слуга, - они могут стать проблемой.

Голос грека, абсолютно такой же серый и незапоминающийся, как и его внешность, прозвучал очень рассудительно.

- Могут, - кивнул сенатор, зажигая тем временем свечи. - А могут и не стать. Вопрос в оценке рисков.

- Да, - не стал спорить слуга. - И они велики.

Юний ничего не ответил. Он и сам это прекрасно понимал.

- Сможешь найти правильного человека для работы в Сарматии? - для чего именно "правильного" было понятно. Сейчас у сенатора было только одно дело в новообразованных провинциях.

- Нож или яд? - уточнил грек.

- Без разницы. Главное, чтобы сделал работу, - Юнию не понравилось, как все это прозвучало. На какую-то секунду, он вдруг почувствовал себя... странно. Похожее чувство у него было в детстве. Тогда отец взял его с собой в Альпы - ехал туда по каким-то своим делам. В том путешествии они частенько находились весьма высоко, и взгляд в пропасть вызвал в маленьком Гае точно такие же ощущения, что и сейчас. - Но никакого фанатизма. Я еще ничего не решил, поэтому действуй максимально осторожно. Просто найди исполнителя.

- Вас никак не свяжут с этим, господин, - грек склонил голову.

- Надеюсь. Иначе нам крышка. Я уверен, мальчишка нас уберет. А если не он - то уж Помпеян точно. Просто из предосторожности.

Слуга коротко кивнул.

- И знаешь еще что...Подумай над проблемой моих друзей. Ничего не делай - только подумай, прикинь варианты, - Юния аж передернуло, когда он представил своих молодых приятелей мертвыми. Все же кровь он не любил. - Потом скажешь. А теперь иди. Мне надо поразмышлять.

- Да, господин.

Грек исчез также незаметно, как и появился.

Тем временем, ночь окончательно вступила в свои права. Юний, выйдя на небольшой балкончик, оперся о перила, задумчиво глядя на звезды. Луна была прикрыта одним из немногочисленных облачков.

Сегодня он, возможно, сделает самую большую ошибку в своей жизни. С другой стороны, в случае успеха его ждало огромное, непредставимое богатство.

Будучи человеком прагматичным и рациональным, Юний не любил неоправданного риска. Пока что он не совершил еще ничего плохого. Не считая оттраханной Луциллы, конечно, но это не в счет. Поэтому действовать надо осторожно, очень осторожно. Надо продумать действия на случай провала. Оставлять все на волю случая - дело некомпетентных глупцов. Он не такой.

В том, что Леонид найдет исполнителя, Юний не сомневался. Грек всегда выполнял порученное. Но этого было мало.

- Надо оставить следы к другим... Без всякого сомнения, это будет правильно. Всегда нужен козел отпущения. Да и при успехе пригодится, - снова поддавшись вредной привычке, сенатор проговаривал свои мысли вслух. Впрочем, здесь ему было некого опасаться.

<http://tl.rulate.ru/book/65545/1729219>